

ИТОГИ ВЕКА

“НЕКЛАССИЧЕСКАЯ” ПСИХОЛОГИЯ А.Н. ЛЕОНТЬЕВА И ЕГО ШКОЛЫ*

© 2001 г. Е. Е. Соколова

Канд. психол. наук, доцент кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ, Москва

Статья посвящена историческому и теоретическому анализу научного творчества выдающегося отечественного психолога XX века Алексея Николаевича Леонтьева (1903–1979). Подробно освещены малоизученные страницы творчества А.Н. Леонтьева в Харьковской школе (до 1941 г.), дан теоретический анализ основных понятий и проблем разработанной им общепсихологической концепции, выявлены качественные особенности “неклассической” психологии школы Леонтьева, а также возможные перспективы ее развития в XXI веке.

Ключевые слова: А.Н. Леонтьев, “неклассическая” психология, деятельность, психика, сознание, личность, психика-деятельность, психика-образ, развитие психики, единицы анализа психики.

Оценивая итоги развития психологии в ушедшем веке, нельзя не признать, что труды Алексея Николаевича Леонтьева, создателя одного из вариантов общепсихологической теории деятельности, который с полным правом может быть назван “неклассической” психологией, пережили время их возникновения и будут определять лицо психологической науки и в XXI веке. Впрочем, чаще всего подобные оценки даются нашими зарубежными коллегами, которые сыграли решающую роль в организации четырех международных конгрессов по теории деятельности, проходивших в 1986, 1990, 1995 и 1998 гг.,¹ издании международного журнала “Multidisciplinary Newsletter for Activity Theory”², являющегося официальным органом ISCRAT – International Standing Conference for the Research on Activity Theory, публикации работ школы А.Н. Леонтьева в различных странах мира и др. Большое видится на расстоянии. Отечественные же психологи в постсоветской России чаще всего высказываются о ряде положений теории Леонтьева критически. Что ж, в теории деятельности Леонтьева, как и в любой научной теории, есть свои “узкие” места, несомненные противоречия (о некоторых из них речь пойдет в предлагаемой статье). Однако кажется, что неприятие творчества Леонтьева некоторыми отечественными психологами обусловлено не рациональными, а скорее эмоциональными причинами. По словам В.А. Лекторского, “когда все, так или иначе связанное с именем К. Маркса и его

философией, воспринимается многими как *не-что нехорошее* [курсив мой – Е.С.], неудивительно и негативное отношение к деятельностному подходу” [9, с. 57]. При этом Лекторский имеет в виду деятельностный подход не только в варианте А.Н. Леонтьева, но и – С.Л. Рубинштейна и его школы. То, что страсти еще не улеглись, доказал проходивший в апреле 2000 г. международный семинар по истории наук о человеке в ИИЕТ (Институте истории естествознания и техники). Выступая с докладом о связи научного творчества и межличностных отношений в школе А.Н. Леонтьева в 30-е гг., который был благосклонно принят зарубежными коллегами, я даже не предполагала, какую эмоциональную бурю вызовет он у некоторых моих соотечественников. Меня буквально обвинили в том, что я (о ужас!) защитник теории деятельности и поэтому советского режима, при котором она создавалась. Как ни печально, это напомнило мне опыт “научных дискуссий” в СССР в те же 30-е, когда попытки объективных исследований историками, например, быта и культуры дворянского сословия тут же вызвали подозрения, что их авторы – сторонники самодержавия.

Столь же эмоционально-негативно оценивается и философия марксизма, которая вообще перестала преподаваться студентам в различных курсах по истории философии как “дискредитировавшая себя”³, что приводит к большим проблемам в понимании молодыми психологами идей фактически всей советской психоло-

*Статья подготовлена при финансовой поддержке ИНТАС (грант № 97–30631).

¹ В настоящее время готовится V конгресс, который состоится в 2002 г.

² К сожалению, по ряду причин издание данного журнала временно приостановлено.

³ «Видимо, – горько замечает Ф.Т. Михайлов по поводу такой современной “критики”, – все еще сказывается “партийная” нетерпимость, воспитанная идеологией *классового подхода*» [24, с. 13].

гии⁴. Между тем именно создатели деятельностного подхода (как школ Леонтьева, так и Рубинштейна) вовсе не отождествляли марксизм с его официальным усеченным и идеологизированным вариантом и считали вполне возможным научно-критически отнестись к отдельным его положениям. Анализ трудов С.Л. Рубинштейна в этом отношении дан А.В. Брушлинским [4]. Подобное, на мой взгляд, можно сказать и о Леонтьеве, который своим пониманием психики как активного и пристрастного отражения мира субъектом посредством деятельности явно противоречил официальной теории отражения, подчеркивавшей его “зеркальность”⁵. Кстати говоря, во многих западных странах давным-давно существует марксистски ориентированная психология, и ее сторонники не сомневаются в том, что марксистская философия (конечно, в ее подлинном, целостном виде, а не в виде вырванных из контекста цитат, приспособленных для обоснования идеологии) является вполне возможным методологическим фундаментом психологии.

На мой взгляд, настало время отойти от односторонне-негативных оценок как творчества А.Н. Леонтьева, так и истории развития психологии в СССР в целом и попытаться дать **объективный** анализ достижений этой эпохи. Шаг в этом направлении делает предлагаемая статья – очерк истории и теории деятельностного подхода в психологии в варианте школы А.Н. Леонтьева. Первая часть статьи посвящена истории развития психологических взглядов главы школы, причем большее внимание уделено раннему творчеству Леонтьева (до 1941 г.). Вторая часть посвящена теоретическому анализу основных понятий и проблем общепсихологической концепции его

школы, направленному на выявление качественных особенностей “неклассической” психологии этой школы и выделение перспектив развития деятельностного подхода.

1. ЭТАПЫ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ А.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Начало пути. Работа А.Н. Леонтьева в контексте культурно-исторического подхода

Алексей Николаевич родился 5 февраля 1903 г. в Москве. После окончания в 1924 г. факультета общественных наук Московского университета, где он занимался психологией под руководством Г.И. Челпанова, Леонтьев работал младшим научным сотрудником Психологического института МГУ, лаборантом Московского дефектологического института, а с 1926 г. – ассистентом Академии Коммунистического воспитания. В этот период (1924–1930) его деятельность определялась научной программой, выдвинутой Л.С. Выготским (1896–1934). Встреча с ним была решающим событием в жизни молодого ученого – по его собственному признанию, он пришел к нему “методологически пустым” [10, с. 41]. Одним из результатов исследований Леонтьева этого периода стала его монография “Развитие памяти” [18], удостоенная первой премии ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых при Совнаркоме РСФСР).

В данной работе Леонтьев экспериментально исследовал структуру и развитие процессов произвольного и опосредствованного запоминания (а также соответствующих форм внимания) и эмпирически подтвердил концепцию Выготского о строении и путях формирования высших психических функций (ВПФ). Полученные результаты были графически представлены в виде ставшего знаменитым “параллелограмма развития”. Кроме того, данное исследование внесло вклад в разработку методологических проблем психологии, поскольку в нем Леонтьев убедительно доказал невозможность использования при изучении высших форм человеческой памяти (имеющих смысловую природу) бессмысленного материала, а также обосновал необходимость использования в психологии генетического метода в двух его формах: 1) метода “срезов” и 2) метода формирования. Наконец, данная работа сыграла определенную роль в преодолении культурно-исторической концепции, поскольку в ходе исследований обнаружилась ограниченность последней и одновременно наметились перспективы дальнейшего развития идей Выготского. Они заключались, в частности, в изучении “внутренней стороны знаковой операции”, т.е. значений, и стадий их развития, с одной стороны, и различных “психологических систем” в контексте развития личности в це-

⁴ Поразительно, как современно звучат сегодня слова Э. Фромма, сказанные им почти сорок лет назад: «К сожалению, в настоящее время слова “социализм” и “марксизм” приобрели такой эмоциональный заряд, что трудно обсуждать эти проблемы в спокойной обстановке. У большинства людей эти слова ассоциируются с “материалистичностью”, “безбожием”, “кровопролитием” и всяческим злом... Эта иррациональная реакция, вызываемая словами “социализм” и “марксизм”, усиливается из-за удивительного невежества всех, кто впадает в истерию, когда их слышит. Несмотря на то что произведения Маркса и других теоретиков социализма может прочесть каждый, большинство людей, так неистово реагирующих на социализм и марксизм, не прочли ни строчки Маркса, а многие обладают лишь очень поверхностными знаниями в этой области. В противном случае не случилось бы так, что люди, до известной степени проникательные и разумные, столь сильно исказили идею социализма и марксизма» [30, с. 472–473].

⁵ В.А. Лекторский вспоминает, как в 1971 г. на философском совещании в Варне Тодор Павлов, «официальный вождь болгарских философов, во многом благодаря которому непрекращаемой догмой не только в Болгарии, но и в СССР стала т.н. “ленинская теория отражения”, заявил, что психологическая теория деятельности, разрабатывавшаяся в те годы в нашей стране, является отходом от марксизма» [9, с. 56].

лом – с другой. Подобные перспективы были намечены уже во втором предисловии к книге Леонтьева⁶. Это (а также анализ соответствующих “поздних” работ Выготского) еще раз подтверждает уже не раз высказываемое представителями школы Л.С. Выготского – А.Н. Леонтьева – А.Р. Лурии (например, А.А. Леонтьевым) мнение, что культурно-историческая теория – лишь этап научной биографии Выготского, а не содержание всего его творчества, как нередко утверждается.

Однако в начале 30-х гг. оба исследователя начинают осознать, что их дальнейшие пути в психологии расходятся. В это время Леонтьев был приглашен в Харьков для развертывания там психологических исследований в ряде учреждений города. Вокруг него складывается тесно сплоченный и дружеский коллектив сотрудников и единомышленников (А.В. Запорожец, П.Я. Гальперин, П.И. Зинченко, В.И. Аснин, Г.Д. Луков, О.М. Концевая, Т.О. Гиневская и др.), впоследствии получивший название Харьковская группа или школа. Фактически речь идет о создании А.Н. Леонтьевым самостоятельной школы со своей собственной научной программой, отличной от программы научных исследований Л.С. Выготского и его сотрудников в Москве.

Этапы развития Харьковской психологической школы

Молодому коллективу харьковских психологов казалось тогда, что научная программа Харьковской школы альтернативна программе Выготского⁷. Основной принципиальный недостаток культурно-исторической концепции Выготского Леонтьев видел в том, что в ней сознание “чрезмерно интеллектуализировалось”: его единицей выступило значение, представляющее собой продукт духовной деятельности общества. Но функционирование значений в реальной психической жизни конкретного индивида, их присвоение субъектом зависит от объективных условий реальной деятельности данного субъекта: приобретут ли они адекватный и действенный смысл или же будут

восприняты лишь внешним образом [21, с. 25]. Поэтому “системообразующим” фактором научной программы Харьковской психологической группы стала всесторонняя разработка проблемы “практическая деятельность и сознание”.

На первом этапе⁸ разработки этой проблемы (1932–1933) ключевой идеей явилось разведение “сознания-образа” и “сознания-процесса” (или “сознания-деятельности”). Эта важнейшая мысль Харьковской школы вытекала из дальнейшего развития представлений Выготского о значении как обобщении: последнее рассматривалось не только как отражение “обобщаемой действительности” (образ действительности), но и как “кристаллизованная деятельность” (обобщение-деятельность). На этом этапе Леонтьевым был разработан адекватный изучаемому обобщению-деятельности метод переноса. В ряде конкретных исследований представителей Харьковской группы (А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца, Г.Д. Лукова, П.И. Зинченко, В.И. Аснина и др.) было показано, что в процессе решения сходных, но не тождественных и постепенно усложняющихся задач у испытуемых не только проявляются уже имевшиеся интеллектуальные структуры, но формируются новые обобщения, причем ребенок сначала **действует “понятийно”**, а потом начинает **понятийно мыслить**. Основным выводом из этих исследований заключался в том, что развитие значений (обобщений) у ребенка не может объяснить ни “указание на факт непосредственного столкновения ребенка с миром вещей, ни указание на факт общения, сотрудничества и подражания” [14, с. 330]; главное в том, что в значении “кристаллизована” прежде всего организованная взрослым обобщающая деятельность ребенка, которая вначале всегда носит предметно-практический характер. Овладение обобщением поэтому означает овладение адекватной обобщающей предметной деятельностью. При этом была обнаружена важная закономерность в соотношении “образ-процесс” – в генетическом плане образ “отстает” от процесса (последний “забегает вперед” и формирует образ).

Второй цикл исследований (1934–1935) был связан с необходимостью вынести внутренние процессы наружу и проследить их во внешней деятельности. Центральная идея этого периода работы – рассмотрение орудия как предмета, в котором фиксированы общественно выработанные приемы. В частности, П.Я. Гальперин эмпирически доказал глубокое психологическое различие между средством у животного, являющимся продолжением его верхней конечности, и орудием у человека, движения которого подчиняются другой логике – логике общественно выработанных и “закрепленных” за орудием операций.

⁶ Эксперименты Леонтьева были закончены в 1928 г., на титульном листе книги проставлен год издания – 1931, реально же книга вышла в свет лишь в 1932 г. К уже имеющемуся предисловию к книге Леонтьев был вынужден написать (совместно с Выготским) еще одно предисловие к ней, где в духе времени подверг собственное сочинение “суровой самокритике” за “ошибки” и “отступления от марксизма”. Это предисловие представляло собой небольшую брошюру, которая была вложена в совершенно готовую книгу.

⁷ Впоследствии обнаружилось, что программы двух научных коллективов опираются на принципиально общий “метапсихологический” подход к решению самых фундаментальных проблем психологии и отражают просто разные аспекты их разработки. Поэтому, на наш взгляд, следует говорить о принципиальном единстве школы Л.С. Выготского–А.Н. Леонтьева–А.Р. Лурии как школы-направления в науке, внутри которой были различные школы-научные коллективы.

⁸ Периодизация истории Харьковской школы дается нами по [19, с. 42–46].

В последующие периоды (1935–1941) центральной идеей исследований школы стало понимание “внутренней” деятельности по аналогии с “внешней”. Возникло первое целостное представление о структуре деятельности. Наиболее известными исследованиями этого периода стали работы Г.Д. Лукова об осознании детьми речи в процессах игры, П.И. Зинченко – об условиях произвольного запоминания (непроизвольно запоминается то, что имеет непосредственное отношение к цели деятельности). В этот период разрабатываются также идеи о восприятии как действии (А.В. Запорожец).

Существенный вклад внесли исследования Харьковской школы в разработку проблем возрастной и педагогической психологии. Так, в работах В.И. Аснина, О.М. Концевой и К.Е. Хоменко были предприняты первые попытки изучения мотивации поведения детей и ее роли в протекании тех или иных познавательных процессов. Изучалось также соотношение житейского опыта ребенка и приобретаемых в школе научных знаний (Л.И. Божович), роль наглядности в обучении (В.В. Мистюк), судьба усвоенных в школе понятий (П.И. Зинченко), проводился сравнительный анализ “школьных понятий” и понятий, сформированных в процессе специального экспериментального обучения (К.Е. Хоменко).

Были начаты и исследования в области психологии восприятия искусства с новых “деятельностных” позиций. По заданию Харьковского полиграфического института Т.О. Гиневская, В.В. Мистюк и К.Е. Хоменко изучали процессы восприятия книжной иллюстрации. Исследовалось восприятие детьми литературных произведений (например, сказки); в частности, экспериментально подтвердилась идея школы Леонтьева о восприятии как деятельности, а также эмпирически было доказано, что сказка имеет большое значение для формирования нравственных мотивов деятельности ребенка. В это же время проводились исследования детских интересов, начатые А.Н. Леонтьевым еще в Харькове на базе дворца пионеров в 1933–34 гг. и продолженные затем в Москве на базе ЦПКиО им. Горького в 1935 г.⁹, в которых, в частности, была экспериментально изучена роль мотивов в управлении конкретными действиями ребенка.

Другим важнейшим направлением исследований школы Леонтьева с середины 30-х гг. были фундаментальные исследования возникновения и развития психики в филогенезе, начатые в Харькове и продолженные в Москве¹⁰. Критически проанализировав все предлагавшиеся в истории

психологии критерии психического, Леонтьев доказал их несостоятельность и предложил свой объективный критерий: появление у организма способности реагировать на так называемые абиотические раздражители. Чувствительность, согласно гипотезе Леонтьева (разработанной им вместе с А.В. Запорожцем [15, с. 60]), появляется в связи с необходимостью жизни в вещно (предметно) оформленной среде, т.е. с усложнением деятельности организмов. В целях проверки гипотезы Леонтьев с группой сотрудников (в частности, с В.И. Асниным) проводит цикл экспериментальных исследований по формированию способности ощущения света кожей ладони руки. Результаты данных исследований блестяще подтвердили гипотезу. При этом была доказана необходимость активного отношения субъекта к миру (ориентировочной деятельности) как условия появления даже элементарнейших ощущений.

Одновременно Леонтьев обобщает многочисленные исследования как известных зоопсихологов, так и собственной школы и создает теорию стадийного развития психики в филогенезе, выделяя стадии сенсорной, перцептивной психики и интеллекта. Особенности психического отражения на разных стадиях развития определяются, по Леонтьеву, особенностями соответствующей деятельности животных в среде (и здесь “процесс” забегает вперед “образа”). Результаты данных исследований были обобщены Леонтьевым в докторской диссертации, защищенной им в 1940 г.

К началу 40-х психологическая теория деятельности Леонтьева в общем и целом сложилась.

Творчество А.Н. Леонтьева в военный (1941–1945) и послевоенный периоды

В начале Великой Отечественной войны, после недолгого пребывания в рядах народного ополчения, А.Н. Леонтьев вернулся в Психологический институт, а в 1942 году был назначен и.о. директора этого института, который был эвакуирован сначала в Ашхабад, а затем в Свердловск. Под Свердловском Леонтьев организовал опытный восстановительный госпиталь, который стал выполнять по заданию ГКО исследовательскую работу по психофизиологическим и психологическим проблемам восстановления функций после ранения. П.Я. Гальперин и Т.О. Гиневская изучили зависимость амплитуды движений пораженной конечности (руки) от характера задачи, А.В. Запорожец – роль установок больного в ходе восстановления функций поврежденных конечностей, Я.З. Неверович – перестройку двигательных систем в процессе восстановительной терапии и др. Данные исследования, сочетавшие собственно теоретико-экспериментальный и

⁹ Впервые опубликованы в 1999 г. (см. [29]).

¹⁰ В 1935 г. Леонтьева пригласили в ВИЭМ (Всесоюзный институт экспериментальной медицины) – заведовать лабораторией, а также во ВКИП (Высший коммунистический институт просвещения). После реорганизации ВИЭМа и упразднения ВКИПа в 1937 г. Леонтьев возвращается в Психологический институт.

прикладной аспекты, подтвердили роль мотивационно-смысловой регуляции деятельности в процессе восстановления движений. Также были разработаны весьма эффективные для реабилитационной работы приемы трудотерапии и лечебной физкультуры. Результаты исследований этого периода обобщены в фундаментальной монографии Леонтьева и Запорожца [20].

Возвратившись в конце войны в Москву, Леонтьев возглавляет работу творческих коллективов в Московском университете и Психологическом институте, занимающихся в основном проблемами онтогенеза деятельности (см., например, [11, 16, 17 и др.]).

С 1951 г., когда Леонтьева назначают заведующим кафедрой психологии философского факультета МГУ, работа его самого и его школы происходит главным образом в стенах университета. В этот период школа Леонтьева приобретает черты не только собственно школы-научного коллектива, но и образовательной школы и школы-направления. От нее “отпочковываются” и становятся самостоятельными школы А.В. Запорожца, Л.И. Божович, П.Я. Гальперина и др.

С середины 50-х под руководством Леонтьева начат цикл исследований по проблемам способностей, в частности, по формированию звукового слуха, являющегося необходимым компонентом музыкальных способностей (Ю.Б. Гиппенрейтер, О.В. Овчинникова). В 1959 году выходит первое издание фундаментальной монографии Леонтьева “Проблемы развития психики” [15], удостоенной в 1963 году Ленинской премии.

А.Н. Леонтьев как организатор психологической науки. Последние работы

В 1966 г. был организован факультет психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, деканом которого стал А.Н. Леонтьев. В этот период школа Леонтьева окончательно превратилась в школу-направление в науке, объединяющую множество различных школ-исследовательских коллективов как в рамках факультета психологии МГУ, так и в иных научных учреждениях нашей страны и за рубежом. Теперь в ней разрабатываются едва ли не все проблемы психологической науки. Сам Леонтьев в своих поздних работах затрагивает в основном теоретико-методологические проблемы психологии – “философию психологии” (в 1975 г. выходит его итоговый методологический труд “Деятельность. Сознание. Личность” [12], в котором осуществлена дальнейшая разработка категориального аппарата теории деятельности), а также вопросы истории психологии, проблемы психологии искусства, личности и др. Под руководством Леонтьева разрабатываются также

проблемы эргономики и инженерной психологии, проводятся экспериментальные исследования восприятия и др.

С 1977 г. факультет психологии МГУ издает свой журнал (“Вестник Московского университета”. Сер. 14. Психология), в котором публикуются статьи по всем направлениям психологических исследований, ведущимся на факультете. Школа А.Н. Леонтьева продолжает свое существование и развитие и после смерти ее главы, последовавшей 21 января 1979 г. Обобщенное представление о современном состоянии исследований в школе Леонтьева можно составить, в частности, по следующим работам [1, 6, 29]. В 2000 г. осуществлена публикация лекций, прочитанных Леонтьевым в 1973–1975 гг. студентам 1–3 курсов. Книга рекомендована Министерством образования РФ в качестве учебного пособия по курсу “Общая психология” [13].

2. ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ А.Н. ЛЕОНТЬЕВА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ

“Неклассическая” психология

Крупнейшим вкладом Леонтьева и созданной им школы в теорию и методологию психологической науки является разработка **“неклассической” концепции** сознания (и психики в целом), истоки которой восходят к Л.С. Выготскому. Для так называемой классической психологии была характерна дихотомия “внешнего” (предметов и процессов внешнего мира) и “внутреннего” (явлений и процессов сознания). В концепции Леонтьева эта дихотомия “снимается” **трехчленной схемой**: “внешняя действительность (материальная, идеальная) – процессы (внешние, внутренние) – образ”. Леонтьев все время настаивал на том, что исключение “третьего звена”, т.е. “рассмотрение <непосредственного отношения> вещи (отражаемой) и мозга (отражающего) невозможно по соображениям методологическим” [6, с. 137]¹¹. В качестве “третьего звена”, осуществляющего отношение субъекта к объекту, переводящего “отражаемое” в “отражение”, выступают различные формы предметной деятельности субъекта (безразлично – внутренние или внешние). Именно эта идея “незеркального”, “активного” и конструктивного отражения субъектом мира явно противоречила каноническим положениям “теории отражения” (см. сноску 5).

¹¹ Еще в “Тезисах о Фейербахе” К. Маркс отмечал главный недостаток предшествующего материализма – его созерцательность: “предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно” (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 42, с. 264).

Психика, в свою очередь, рассматривается Леонтьевым как процесс, неотторжимый от деятельности. Как особая форма отражения мира, присущая лишь субъекту деятельности, она не просто включена в деятельность, а представляет собой **функцию** любой формы деятельности, поскольку отражение мира субъектом осуществляется именно **посредством** деятельности (“деятельность составляет субстанцию сознания” – в очень лаконичной формуле закрепил Леонтьев суть своего понимания психического – [12, с. 185]). Таким образом, субстанциально психика (сознание) и деятельность совпадают, и Леонтьев поэтому настаивает на том, что деятельность – не просто **объяснительное понятие** в психологии, а непосредственный предмет изучения.

Здесь Леонтьев выступает в оппозиции к школе С.Л. Рубинштейна, который утверждал, что психология должна изучать “психику и только психику” (в деятельности). По Леонтьеву, предметом психологии должна быть именно **деятельность**, но взятая лишь в одном отношении – “в отношении к психическому отражению мира в голове человека. Взятая в других отношениях, деятельность может выступать предметом других наук” [6, с. 148]. Здесь, конечно, не место обсуждать проблему соотношения вариантов деятельностного подхода, предложенных школами Леонтьева и Рубинштейна, которая требует специального глубокого анализа в соответствующей монографии. В одной из наших статей [28] были специально выделены различия между обеими школами в решении ряда проблем. Однако некоторые историки психологии считают, что настало время не столько подчеркивать различия между обеими школами, сколько выявлять “скрывающиеся за различными подходами их принципиальное единство” [7, с. 84; 8].

Что же касается самой школы Леонтьева, то внутри нее существовали и существуют определенные противоречия в решении самых фундаментальных проблем психологии, в частности, проблемы природы психического и предмета психологической науки. Проведенный нами анализ работ Леонтьева и Гальперина [27] показал, что они предлагали по сути разные объективные критерии психической деятельности. Разделяя точку зрения Гальперина на различие в действии его ориентировочной и исполнительной части (контрольная часть есть в принципе своеобразная форма ориентировки), Д.Б. Эльконин настаивал на том, что эти части содержит всякое действие, в том числе “внутреннее”, умственное [6, С. 167]. При этом собственно психологическим “звеном” является **ориентировочная часть действия**. Поэтому нельзя, по мнению Эльконина, говорить о том, что в процессе интериоризации внешней практической деятельности возникает “внутренняя” психическая деятельность и что именно она

выступает по отношению к практической деятельности как ее ориентировочная часть [там же, с. 168]. И наоборот, в процессе экстериоризации “овнешняется” не психика как таковая, а внутренняя деятельность (имеющая своим продуктом предметы культуры, техники и т.п.). Психическая же деятельность не имеет своего экстериоризированного продукта – она “экстериоризируется” только в самом характере этой внешней, практической деятельности – ее упорядоченности, ее движении, ее логике и т.д., и т.п.” [там же].

Эти высказывания Эльконина отвечают сразу всем критикам теории школы Леонтьева, которые постоянно приписывают ей то положение, что психическая деятельность как “внутренняя” деятельность возникает якобы в результате интериоризации внешнепрактической деятельности. Однако это положение совершенно не отражает сути “неклассической” психологии школы Леонтьева, которая вовсе не отождествляет “психическое” и “внутреннее” (подробности см. ниже). Впрочем, разведение этих последних понятий не всегда четко проводилось самим Леонтьевым (особенно в последней его книге “Деятельность. Сознание. Личность” – в отличие от лучшей, на мой взгляд, методологической работы Леонтьева, написанной еще в конце 30-х-начале 40-х гг., но опубликованной впервые только в 1994 г. в книге “Философия психологии” [19] – “Методологические тетради”). Более того, иногда оказывалось, что сторонники Леонтьева более последовательны в отстаивании оригинальных идей именно его варианта теории деятельности, чем он сам, и при решении некоторых проблем Леонтьев оказывался ближе к идеям школы своего оппонента Рубинштейна [28]).

И все же, несмотря на определенные различия, всех представителей школы Леонтьева объединял в целом вышеупомянутый “неклассический” подход к изучению психики человека.

В чем заключаются его основные положения и что они дают для психологии?

1. Сознание (и психика в целом) рассматривается Леонтьевым и его школой не как **внутреннее**, спрятанное “под черепной крышкой”: “сознание... находится столько же под крышкой, сколько и во внешнем мире. Это одухотворенный мир, одухотворенный человеческой деятельностью” [6, с. 141]. С точки зрения Леонтьева, загнать психику под черепную крышку – это загнать ее в гроб [там же]). Гальперин также определял психику как **внешнюю** деятельность [6, с. 163]. Даже существуя как ориентировочная часть внутренней, скрытой, свернутой формы деятельности (т.е. деятельности “во внутреннем плане”), психика не теряет своего внешнепредметного характера. Поэтому единственный путь познания психики –

изучение деятельности субъекта в ее особой (ориентировочной) функции.

2. Основным противоречием в психологии является не противопоставленность внешнего и внутреннего, а **противоположность образа и процесса**: “Мы имеем в психологии, – писал Леонтьев, – еще одно различие, которое оправдано обстоятельствами. Это психика как образ и психика как процесс. В мышлении это – мышление и понятие, в восприятии – воспринимание и образ. Я буду называть психику как явление, образ просто образом, а психику как процесс – просто процессом... Всякое такое психическое образование, как образ, есть не что иное, как свернутый процесс” [19, с. 255]. Свертка означает симультанизацию процесса, развертка – превращение симультанности в сукцессивность. Психика, таким образом, представляет собой неразрывное единство психики как процесса (т.е. активного отражения мира в различных формах внешней и внутренней деятельности субъекта) и психики как образа (представляющего собой “накопленное движение”, “свернутую деятельность”, т.е. накопленный опыт ориентировки и деятельности субъекта в мире). В этом единстве деятельностной (процессуальной) и образной сторон психики деятельностная сторона оказывается ведущей **в генетическом плане**, в то время как **в функциональном плане** психика-образ предшествует актуально разворачивающийся психике-процессу (психике-деятельности)¹².

3. Поскольку психика как ориентировочная часть любой деятельности определяется особенностями самой этой деятельности (ее мотивами, целями, средствами и т.п.), постольку **единицы анализа психики** оказываются неотделимыми от **единиц анализа деятельности** (см. ниже).

4. Метод **формирования психики** становится главным методом ее **исследования**.

Единицы анализа психики-деятельности и психики-образа

Процессуальные (деятельностные) единицы анализа психики и сознания (как специфически человеческой формы психики) получили свое воплощение в знаменитой схеме структуры деятельности: деятельность – действие – операция – психофизиологические функции. Каждая из единиц обладает своими свойствами, однако при некоторых условиях они могут переходить друг в друга. Выделение отдельных деятельностей происходит по критерию мотива (предмета потребности), действий – по критерию цели (сознательного образа желаемого результата деятельнос-

ти), операций – по критерию способа выполнения действия (т.е. задачи, или цели, данной в определенных условиях). В школе Леонтьева в наибольшей степени изучены переходы деятельности в действие, и наоборот. Соответственно исследуются процессы “сдвига мотива на цель” (приобретения целью самостоятельный побудительной силы) и осознания мотива (превращения его в мотив-цель). С 60–70-х гг. в школе Леонтьева интенсивно изучаются процессы целеобразования (в частности, разрабатывается проблема соотношения реальных и идеальных целей в норме и патологии – Б.С. Братусь, Б.В. Зейгарник, О.К. Тихомиров и др.), рассматриваются различные аспекты мотивации человека (В.К. Виллюнас, Е.Е. Насиновская и др.), проблемы психологии смысла (Д.А. Леонтьев) и др. Что касается самого “нижнего” этажа структуры деятельности (психофизиологических функций), то в рамках школы Леонтьева предлагалась и иная точка зрения на единицы анализа на этом уровне: это “функциональные блоки”, которые соответствуют отдельным предметным свойствам реальности (В.П. Зинченко, В.М. Мунипов).

Единицами анализа психики-образа (сознания-образа) являются выделенные Леонтьевым чувственная ткань, значения и личностные смыслы¹³. Чувственная ткань придает “реальность” образу мира: благодаря ей мир выступает для субъекта как нечто, лежащее вне его сознания – как объективное “поле” его деятельности. Значения как “амодальные” составляющие сознания представляют собой обобщенный опыт познания действительности посредством предметных действий, обладающий “надиндивидуальным” характером (и поэтому передаваемый в своих существенных чертах от поколения к поколению). В настоящее время в школе Леонтьева выделяются три основные группы значений – операциональные, предметные, словесные. Личностные смыслы создают пристрастность человеческого сознания и, согласно Леонтьеву, не имеют своего “надиндивидуального” существования. В последние годы в школе Леонтьева ведутся дискуссии по этому вопросу, и некоторые представители школы приходят к выводу о возможном надиндивидуальном существовании смыслов и о несколько

¹²К сожалению, в позднем творчестве Леонтьева диалектика “образа” и “процесса” не получила своей должной разработки.

¹³Речь идет, естественно, об образе мира человека, обладающего “развитым” сознанием, еще точнее – об образе мира личности (в ее понимании А.Н. Леонтьевым). Впоследствии в работах В.П. Зинченко была обоснована необходимость выделения еще одной составляющей сознания – биодинамической ткани как “материи” движений и действий, которая принимает столь же активное участие в построении сознания, что и чувственная ткань. Ведь именно благодаря живым движениям и действиям образ мира “вычерпывается” из реальности. Это особенно отчетливо доказывается особыми случаями формирования сознания у слепоглухонемых детей с резко обедненной чувственной тканью.

иных критериях разделения значений и личностных смыслов [22], однако однозначного решения последней проблемы до сих пор не существует. Смыслы находят свою реализацию в значениях, однако процесс этой реализации весьма сложен и не всегда удачен; личностные смыслы и значения могут находиться друг с другом в конфронтации, что, с точки зрения Леонтьева, неизбежно при существовании в обществе социальных групп с противоположными интересами.

*Проблемы развития психики
в разных видах генезов*

В школе А.Н. Леонтьева проблемы развития психики рассматриваются в рамках всех возможных его видов.

В рамках **филогенетических исследований** существеннейшим вкладом школы Леонтьева в психологическую науку является концепция возникновения чувствительности и стадий развития психики в филогенезе, о которой мы говорили выше. В последующем идеи Леонтьева были творчески развиты в работах зоопсихологов факультета психологии МГУ (К.Э. Фабри, Н.Н. Мешкова), где были отмечены не только достоинства предложенной Леонтьевым периодизации психического развития в филогенезе, но и ее принципиальные ограничения [23].

В рамках **антропогенетических исследований** Леонтьев, опираясь на марксистскую теорию трудового происхождения сознания, рассмотрел возможные условия его возникновения: 1) коллективность и 2) орудийную опосредствованность трудовой деятельности человека. Именно в процессах коллективной трудовой деятельности становится возможным выделение в составе деятельности действий, которые лишаются биологического смысла, зато приобретают социальный (разумный) смысл, что означает одновременно появление сознательно поставленной субъектом цели. В орудиях кристаллизован (опредмечен) опыт человечества, “распредмечивающийся” для нового члена общества (ребенка) только в совместной деятельности со взрослым, выступающим носителем способов употребления данных орудий (операциональных значений). Несмотря на то что в настоящее время концепция трудового происхождения сознания подвергается критике за имеющиеся в ней внутренние противоречия, взвешенный анализ которых дан в статье Ф.Т. Михайлова [24, с. 14] и других его публикациях, данная идея “сама по себе (т.е. в своей абстракции)... кажется, вообще ни у кого уже не вызывает возражений” [там же, с. 15].

В **социогенетических исследованиях** основной идеей является мысль Леонтьева о необходимости рассмотрения отношения между значениями

(значениями для других) и личностными смыслами (значениями для меня) и механизмов “означения смыслов” и “осмысления значений”. Две последние проблемы при рассмотрении их в конкретно-историческом аспекте входят в предмет исследования складывающейся в последнее время на стыке истории и психологии новой науки – исторической психологии. На наш взгляд, именно идеи школы Леонтьева могут составить возможный методологический фундамент данной науки [26].

В рамках **онтогенетических исследований** основным вкладом Леонтьева и его школы в психологию являются следующие идеи и проблемы.

1. Идея ведущей деятельности как деятельности, которая определяет психическое и личностное развитие на той или иной возрастной ступени и подготавливает возникновение новых типов ведущей деятельности в последующие периоды. Эта идея плодотворно разрабатывается в многочисленных исследованиях по возрастной психологии как в рамках собственно школы А.Н. Леонтьева, так и в других родственных школах (Д.Б. Эльконина, Л.И. Божович, Д.И. Фельдштейн и др.). В них, в частности, разрабатываются нашедшие мировое признание концепции периодизации психического развития. Несмотря на то, что определенные аспекты концепции ведущей деятельности подвергаются в последнее время критике [25, с. 253–269], многие авторы в конкретных исследованиях по детской психологии доказывают еще не исчерпанный эвристический потенциал этой концепции (см., например, [5]).

2. Учение об интериоризации как возможном механизме усвоения ребенком опыта человечества. На этой основе разработана оригинальная концепция поэтапного формирования умственных действий и понятий П.Я. Гальперина, в которой были выделены стадии интериоризации и т.п. В концепции видов обобщения в обучении В.В. Давыдова изучались содержательные аспекты интериоризации. Было показано, что существуют по крайней мере два (в известном смысле противоположных) типа обобщения – эмпирическое и теоретическое; при этом наибольшим развивающим эффектом обладает именно теоретическое обобщение. При всех неизбежных ограничениях вышеупомянутых концепций они пользуются большим вниманием практиков школьного обучения как в нашей стране, так и за рубежом.

3. Разведение понятий “индивид” (природный субъект) и “личность” (социальный субъект) и рассмотрение развития личности как нетождественного развитию индивида процесса. В развитии личности выделяются два качественных скачка – первое “рождение” личности (возникновение подчинения мотивов органического порядка социальным мотивам) и второе “рождение” личнос-

ти, когда на основе сознательного выбора субъекта происходит выстраивание им новой иерархии мотивов. В русле данного направления исследований в школе Леонтьева изучаются виды и функции мотивов, проблемы смыслообразования и целеобразования на разных этапах развития личности и т.п. Впоследствии в школе Леонтьева была предложена “трехчленная” схема рассмотрения субъекта деятельности (В.В. Петухов, В.В. Столин): природный субъект (природный индивид) – социальный субъект (социальный индивид) – культурный субъект (личность). Различные проблемы психологии личности с точки зрения историко-эволюционного подхода (А.Г. Асмолов), развивающего идеи Леонтьева, интенсивно разрабатываются в настоящее время на кафедре психологии личности факультета психологии МГУ. Эти исследования, в частности, базируются на идее Леонтьева о необходимости тесной связи психологии личности с такими науками о человеке, как история, этика и аксиология [2, 3].

В функционально-генетических исследованиях проблема соотношения процессуальных и различных аспектов психического разрабатывается в рамках едва ли не всех традиционных проблем психологии (т.е. проблем ощущения и восприятия, памяти, внимания, мышления и т.п.) как в норме, так и патологии. В рамках этого последнего направления исследований в школе Леонтьева разработаны научно обоснованные варианты терапии и коррекции нарушений психических функций путем включения перцептивных, мнемических, интеллектуальных и т.п. действий и операций в различные виды осмысленной для больных деятельности.

Решение психофизиологической проблемы

В рамках школы Леонтьева по-своему решается и одна из “вечных” проблем психологии – психофизиологическая. Как известно, ее решение в форме психофизиологического взаимодействия и психофизиологического параллелизма не может считаться удовлетворительным и соответствующим современному состоянию развитию как физиологии, так и психологии. Психофизиологическая проблема решается в школе Леонтьева в форме так называемой антиномии-проблемы: психическая деятельность и **тождественна** в онтологическом смысле физиологической деятельности, и в то же время **не сводится** к ней, поскольку – в отличие от физиологической – является предметной по своему характеру деятельностью, ориентирующей субъекта в мире. В соответствии с этим при исследовании лежащих за психической деятельностью физиологических процессов главным направлением является движение **от психики – к мозгу**, а не наоборот, поскольку изменение психологических характерис-

тик действия (например, его смысла) меняет и физиологический состав обеспечивающих его процессов. Это решение психофизиологической проблемы в школе Леонтьева находит свое подтверждение и обоснование в двух других крупнейших концепциях XX века – теории системно-динамической локализации ВПФ А.Р. Лурии и концепции “физиологии активности” Н.А. Бернштейна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный нами анализ “неклассической” психологии А.Н. Леонтьева и его школы¹⁴ еще раз показал, что теория деятельности Леонтьева является живой, развивающейся системой, научный и практический потенциал которой еще не исчерпан. Каковы же возможные точки роста деятельностиного подхода и перспективы его развития в XXI веке?

Это, во-первых, теоретическая и эмпирическая разработка основной идеи Леонтьева о невозможности изучения психики и сознания вне контекста реальных конкретно-исторических форм общественных отношений и реализующих их деятельностей. Психология должна стать по-настоящему **исторической наукой**. В новой системе психологии должны найти свое достойное место и материал истории как “высшего психологического эксперимента, и художественная литература, где представлена “настоящая” человеческая психология во всей ее полноте.

Во-вторых, психология личности должна разрабатываться в сотрудничестве с этикой и аксиологией как “драматическая” психология. Основное внимание, на наш взгляд, должно быть уделено различным аспектам категории поступка как единицы анализа психологии личности.

В-третьих, пристального внимания заслуживают конкретно-исторические исследования соотношения различных единиц анализа сознания (психики) друг с другом (в частности, единиц анализа “психики-деятельности” и “психики-образа”), а также процессов перехода одних единиц анализа сознания (психики) в другие.

В-четвертых, имеющиеся внутри школы Леонтьева противоречия в истолковании фундаментальных психологических категорий требуют определенной понятийной работы по согласованию различных точек зрения друг с другом. Необходим также серьезный, обстоятельный и спокойный анализ не столько различий между двумя вариантами деятельностиного подхода – А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна, сколько общих для них идей. Время разбрасывать камни уже миновало. Настало время собирать их.

¹⁴В силу ограниченности объема статьи мы затронули главным образом общепсихологические идеи школы Леонтьева.

И данная понятийная работа вовсе не будет досужей игрой ума. Она имеет не только собственно теоретическое, но и практическое значение, обеспечивая более глубокое понимание механизмов управления психической деятельностью и деятельностью человека вообще. По мнению А.Г. Асмолова, “неклассическая психология делает своим принципом осознанное вмешательство в жизнь..., а само исследование рассматривает как проектирование феноменов” [3, с. 337]. Следуя этим традициям, психология может и должна стать наукой, “делающей историю общества” [там же, с. 338].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.Н. Леонтьев и современная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
2. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.-Воронеж, 1996.
3. Асмолов А.Г. XXI век: психология в век психологии // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А.Н. Леонтьева. М., 1999. С. 332–349.
4. Брушлинский А.В. Андерграунд диамата // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000. С. 7–13.
5. Вересов Н., Хаккарайнен П. Предпосылки возникновения коллективной деятельности у старших дошкольников // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 37–46.
6. Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
7. Ждан А.Н. Историческая роль С.Л. Рубинштейна в идейной борьбе в период перестройки теоретических основ психологической науки (20-е–30-е годы) // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000. С. 75–85.
8. Лазарев В.С. Кризис деятельностного подхода в психологии и возможные пути его преодоления // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 33–47.
9. Лекторский В.А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 56–65.
10. Леонтьев А.А. Лев Семенович Выготский. М.: Просвещение, 1990.
11. Леонтьев А.Н. Психологическое развитие ребенка в дошкольном возрасте // Вопросы формирования личности ребенка в дошкольном возрасте. М.-Л., 1948. С. 4–15.
12. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность // А.Н. Леонтьев. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. В 2-т. Т. 2. С. 94–231.
13. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000.
14. Леонтьев А.Н. Овладение учащимися научными понятиями как проблема педагогической психологии // А.Н. Леонтьев. Избранные психологические произведения. М., 1983. В 2 т. Т. 1. С. 324–347.
15. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
16. Леонтьев А.Н. Психологические вопросы сознательности учения // Проблемы психологии понимания. М.-Л., 1947. С. 3–40.
17. Леонтьев А.Н. Психологические основы дошкольной игры // Советская педагогика. 1944. № 8–9. С. 37–47.
18. Леонтьев А.Н. Развитие памяти. М.-Л.: Госиздат, 1931.
19. Леонтьев А.Н. Философия психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
20. Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движения. М., 1945.
21. Леонтьев А.Н., Лурия А.Р. Психологические воззрения Л. С. Выготского // Л.С. Выготский. Избранные психологические исследования. М., 1956. С. 4–36.
22. Леонтьев Д.А. Значение и смысл: две стороны одной медали // Психол. журн. 1996. № 5. С. 19–30.
23. Мешкова Н.Н. “Развитие психики” А.Н. Леонтьева – взгляд через шестьдесят лет // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А.Н. Леонтьева. М., 1999. С. 48–79.
24. Михайлов Ф.Т. Предметная деятельность... чья? // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 10–26.
25. Петровский А.В. Психология в России: XX век. М., 2000.
26. Соколова Е.Е. Идеи А.Н. Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. М., 1999. С. 80–117.
27. Соколова Е.Е. К определению понятия “психическая деятельность”: теоретический анализ дискуссий между А.Н. Леонтьевым и П.Я. Гальпериным // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. М., 1998. № 4. С. 3–13.
28. Соколова Е.Е. Сознание действующее: К проблеме соотношения “сознания-образа” и “сознания-деятельности” // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. М., 1997. № 1. С. 43–57.
29. Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: Школа А.Н. Леонтьева. М.: Смысл, 1999.
30. Фромм Э., Хорни К. Психоанализ и культура. М., 1995.

“NONCLASSIC” PSYCHOLOGY OF A. N. LEONTIEV AND HIS SCIENTIFIC SCHOOL

E. E. Sokolova

Cand. sci. (psychology), docent of the chair of general psychology, department of psychology, MSU

The historical and theoretical analysis of scientific creation of outstanding Russian psychologist A.N. Leontiev (1903–1979) is presented. The unknown facets of his creation in Kharkov school (up to 1941) are described in details, theoretical analysis of main concepts and problems of Leontiev’s psychological conception is made, quantitative peculiarities of his school of “nonclassic” psychology are revealed and its possible perspectives in XXI century are advanced.

Key words: A.N. Leontiev, “nonclassic” psychology, activity, mind, consciousness, personality, mind-activity, mind-image, development of mind, units of mind analysis.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ В ДЕЛОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ¹

Нобелевская мемориальная лекция, прочитанная 8 декабря 1977 г.*

Г. А. Саймон

Университет Карнеги-Меллон, Питтсбург, Пенсильвания, США

В первоначальных словах своих *“Principles”* Альфред Маршалл провозглашает, что экономика должна быть психологической наукой.

“Политическая экономия или экономическая наука занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества; она изучает ту часть индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния.

Следовательно, она, с одной стороны, представляет собой исследование богатства, а с другой – образует часть исследования человека. Человеческий характер формировался в процессе повседневного труда и под воздействием создаваемых им в этом процессе материальных ресурсов, причем в гораздо большей степени, чем под влиянием любых других факторов, исключая религиозные идеалы”.

Однако в действительности развитие экономических наук фокусируется только на одном аспекте характера человека – его разуме, в частности, на применении разума к проблемам распределения в условиях дефицита ресурсов. В то же время современные определения экономических наук – выражаются ли они в терминах распределения ограниченных ресурсов или же в терминах рационального принятия решений – намечают более широкую область для завоевания и закрепления. В последние годы наблюдается явное проникновение экономистов даже в те части указанной области, которые традиционно считались принадлежностью таких дисциплин, как политическая наука, социология и психология.

¹ Выражаю благодарность Альберту Альдо, Отто А. Девису Rational Decision-Making in Business Organizations. Nobel Memorial Lecture, 8 December 1977 © The Nobel Foundation, Бенджамену М. Фридмену за ценные замечания.

*Перевод статьи сделан канд. философ. наук И.Е. Задорожнюком при участии Е.И. Задорожнюк.

ТЕОРИЯ РЕШЕНИЯ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА

Плотность заселения экономистами всех владений своей науки весьма неравномерна, здесь есть лишь несколько территорий с умеренными ее показателями. Экономическая метрополия (*heartland*) – нормативное изучение мирового и национальных хозяйств и соответствующих рынков с присущими ей тремя основными проблемами: полная вовлеченность ресурсов, эффективное их размещение, справедливость в распределении экономического продукта. Вместо неясного и сверхобобщенного термина “экономическая теория” я буду использовать для указания на метрополию термин “политическая экономия”, термин же “экономические науки” буду обозначать всю империю, включая ее наиболее отдаленные колонии. Принципиальным содержанием данной работы станет важная колониальная территория, известная под названием “теория решения”. Я кратко остановлюсь на ее нормативном и дескриптивном аспектах, особенно в применении к “теории фирмы”. Последняя тема дискуссии вновь возвращает нас в метрополию – к вопросам политической экономии.

Подкрепленные таким образом основания ориентированной на политику нормативной экономики – это, конечно, тщательно оформленная дескриптивная или “позитивная” теория, по своей математической простоте и элегантности соперничающая с некоторыми изощренными теориями физических наук. В качестве примера мне следует всего лишь напомнить вам идущие от Вальраса теории общего равновесия и их современные варианты, представленные в трудах Генри Шульца, Самуэльсона, Хикса и других, или же более тонкие и убедительные теории, созданные Эрроу, Гурвичем, Дебре, Малинво и их коллегами, в которых указывается на равнозначность при определенных условиях принципа конкурентного равновесия принципу оптимальности Парето.

Релевантность некоторых наиболее хрупких частей и данной работы в ее соотношении с реальным миром может быть поставлена – причем не без оснований – под сомнение. Возможно, не-